

Звуки ночные

* * *

ЗВУКИ НОЧНЫЕ в панельных домах

слышишь — до вздоха.

То ли соседка там бродит впотьмах,
то ли эпоха.

Голос за стенкой расплывчат и тих,
фразы всё те же...

«Нет, — говорит, — я устала, прости,
ноги не держат».

Ноги не держат, и руки дрожат,
стянуты жилы...

«Нет, — говорит, — я не буду рожать».
Значит, решила.

Голос ли, голубь ли, крыльями взмах,
из-за стены мне...

Звуки ночные в панельных домах,
звуки ночные.

❁ ❁ ❁

БУЛЬВАРЫ, третье и садовое.

Круги заезженные, дантовы.

Под фонарями двухголовыми
ютятся липы бородатые.

Пока всю чадит над пробками
огней малиновых горение,
ты в круге тесном, как на проповеди,
стоишь и учишься смирению.

И кинолентой сумрак тянется,
а день необъяснимо короток,
когда спешешь под вечер в пятницу
туда, куда спешит полгорода, —

в свою нору, в своё убежище,
где за стеной соседи лаются,
туда, где ненависть от нежности
ничем в тебе не разделяются.

Ярославское шоссе

СНЕСЁН БОРДЮР, с асфальта сняли скаल्प.
стучит отбойник, строят эстакаду.
за год-другой тут будет всё как надо:
сквозной проезд, опоры вертикаль.

проходит в яркой курточке айше
туда-сюда среди бетонных блоков.

айше по-русски понимает плохо
и строит Ярославское шоссе.

она проложит эту магистраль
(Россия вечно держится на бабах).
и вдаль поедут в новеньких саабах
хирад, галиб, рабах, инал, амаль.

ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ, обычные дела,
зеленый суп, сиреневая миска,
лоснящаяся летняя редиска,
залитый солнцем краешек стола,

прозрачной шторы кружевная сеть,
и ни стихов, ни прозы, ни надрыва,
и липким мёдом истекает слива,
и можно вечность на неё глядеть.

И я гляжу, служу простым делам,
перемещенью солнца и предметов,
и светофильтр то бел, то фиолетов.
И горький чай,
с забвеньем пополам.

КОГДА ВОЗВРАЩАЕШЬСЯ, лучше
не помнить имён.
Ты нем и прозрачен, как дым, или дождь,
или оклик.
Исколотый каплями, воздух слегка искривлён,
И в нем накренились деревья, и травы промокли.

Заброшена пасека, дом у протоки снесли.
На ветке заломленной поздняя, горькая завязь.
А ты просто мимо течёшь, не касаясь земли,
Холодной рукой ничего, никого не касаясь.

...ПРОЖИТЬ с тобой всю жизнь,
и под конец —
возненавидеть,
так, как ненавидят
убогую, больную часть себя,
багровую культу, бугор на коже,
привычное, случайное уродство...
Но перед тем — прожить с тобой всю жизнь:

варить обед, обыденную ругань
не замечать, на кухне мыть полы,
в аптеку бегать, вызывать врача,
сидеть с тобой в облезлом коридоре
и отвечать, угадывая фразу,
а после — ничего не отвечать.

Вести тебя домой, кормить, лечить,
орать в ответ, твердить: невыносимо,
и, силы отторжения стыдясь,
мучительно пытаться что-то вспомнить...

Но два инсульта сделают своё,
сотрут прицельно — самое начало,
все запахи, все имена, все лица —
о чём бы пожалеть или заплакать.
И не заплакать.
И не пожалеть.

Я ГОВОРЮ: привет, ты говоришь: приват,
но голос мой — чтоб петь, тело — чтоб согреть,
больше ни для чего. в этой стране слепых
кормят с руки или же бьют под дых.

холод, боязнь собственной наготы.
— в полдень, скажи, где отдыхаешь ты?
— там, где чернеет кедр, в золоте Эйн-Геди,
пей молоко и мёд, и всё-таки уходи
в свой галаад,
назад,
смоква и виноград.

и утекаешь сквозь.
и проплываешь над.

ЧЕМ ПОСЛУШНЕЙ дети,
тем они верней
думают о смерти
и молчат о ней.

вот и всё смирение:
проглотить упрёк.
вот и всё умение:
досчитать до трёх.

стоя на балконе —
раз и два, и три,
я засну спокойно,
мама, не смотри.

ЗА ОСТРЫМ берега изгибом,
за желтым мысом великаньим
живут доверчивые рыбы
с лазоревыми плавниками.

И бурою травую донной
опутаны глухие скалы,
и солнце утекает сонно
сквозь пальцы тонкие кораллов

за медный край морской лохани,
и вздохи чаек сиротливы,
и время — просто колыханье
воды на высоте прилива.

НИ ТЕБЯ, НИ МЕНЯ, только тени, и ветер,
и тени,

только соль на камнях — проступила
и сразу пропала,
и качаются тонкие стебли подводных растений,
бестелесные духи медуз и погибших рапанов,

только крик над водою, высок и всегда
безответен,
на дрожащих холмах — черепков серебристые
груды,

ни тебя, ни меня, только ветер и рваные сети,
и дитя у воды, что явилось само, ниоткуда.

это девочка — слышишь, она осторожно ступает
по песку и по водорослям, по кускам перламутра,
и сквозь водную толщу огромная рыба слепая
всё глядит на неё, и не видит, и плачет как будто.

РАБОТОРГОВЕЦ время продаёт.

Он ходит возле клеток и колодок
и плёткою стучит по голенищу.
Садится, курит, смотрит в никуда.

Он ценит свой товар невысоко,
он время стариков совсем не ценит,
не ценит время юности подавно,
и молодость задёшево идёт.

А что торговец просит, вот бы знать,
за паузу меж горем и трудами?
Но только смех в его гнилых зубах,
и пыль вокруг, и ветер, и решётки.

НИЗЛОЖЕННЫЙ, обречённый, полуживой,
лёд бросается с крыши вниз головой.
Перекрывая тромбами водосток,
падает вниз зима за куском кусок.

Катится, острыми гранями грохоча,
и из земли торчит как фрагмент плеча
или ноги, от голени до бедра —
мраморный лом, вкрапления серебра.

Это весна, разве это весна, враньё.
Здесь не моё столетье, не мой район.
Хруст под ногами. Серый имперский хлам.
Грохот колонн, расколотых пополам.

МОЯ ЛИ РУКА, колено,
твоё ли плечо, щека —
пучки световых волокон
причудливо заплелись,
образовали остов, каркас,
и пока, пока
он еле висит над смыслом —
он обретает смысл

непрочный, недолговечный —
пока он ещё живёт.

Окно набирает воздух
и совершает вдох,
и небо так беззащитно, как шея или живот,
пока ещё Бог — не слово, и слово — ещё не Бог.